

Низкий, бархатный голос Се Чунъяня эхом отозвался в сердцах членов семьи Чэн. Чэн Ань совершенно потерял самообладание: его лицо пошло багровыми пятнами, а в глазах, устремленных на Чэн Фаня, вспыхнула неприкрытая ненависть.

Он и помыслить не мог, что Чэн Фань умудрился за спиной у всех сойтись с Се Чунъянем. Ведь еще недавно этот паршивец лежал пластом, увядая от неведомой болезни и не имея сил даже подняться с постели.

Остальные гости выставки тоже замерли в глубоком изумлении. Взгляды присутствующих разом скрестились на младшем молодом господине Чэн.

Неужели таинственным избранником влиятельного Се Чунъяня оказался именно он?

Видя, как все больше глаз устремляется на пасынка, госпожа Чэн изо всей силы вонзила безупречные ногти в ладони. Свободной рукой она рассеянно поправила выбившиеся волосы у лба, отчаянно пытаясь скрыть за маской невозмутимости бушевавшие внутри растерянность и панику.

«Надо было еще два года назад отравить мерзавца, — бешено билась в ее голове мысль. — Тогда не пришлось бы сейчас бессильно наблюдать, как рушится будущее моего Ань-Аня и летит в пропасть все его благополучие!»

Чэн Фань удивленно вскинул глаза на Се Чунъяня, но тут же смущенно отвел взгляд и уставился в окно.

«Почему он передумал? — недоумевал юноша. — Еще во время нашей последней встречи он наотрез отказывался от этого брака. Что изменилось?»

Холодный, пронзительный взор, которым Се Чунъянь одарил его тогда на террасе, до сих пор заставлял сердце Чэн Фаня испуганно сжиматься.

Он не спешил с ответом. Слегка вздернув подбородок и явно капризная, Чэн Фань протянул:

— Мне нужно подумать.

Присутствующие затаили дыхание. Младший молодой господин Чэн действительно оказался на редкость заносчивым — кокетничать и набивать цену перед лицом самого Се Чунъяня!

У госпожи Чэн нервно дернулось веко. Ей показалось, что судьба дает им шанс: публичное пренебрежение наверняка заденет самолюбие Се Чунъяня. Тот не потерпит подобного отношения.

Она тут же нацепила приторную улыбку и шагнула вперед, собираясь предложить кандидатуру Чэн Аня, но Се Чунъянь даже не взглянул в ее сторону. Не сводя глаз с Чэн Фаня, он негромко произнес:

— Я подожду.

Эти простые слова поставили жирную точку в вопросе о помолвке. Гости, близкие к семье Се, поспешили осыпать их поздравлениями.

— Какая прекрасная пара! Поздравляем!

— Старейшина Се, зря вы беспокоились. Посмотрите, какого жениха нашел господин Се!

— Настоящий союз, благословленный небесами. Совет да любовь!

От этих восторженных возгласов Чэн Аня затрясло. Забившись в угол, он в бессильной злобе вцепился ногтями в холодную плитку стены, не замечая резкой боли.

Старик Се все еще пребывал в некотором недоумении, но, понимая, что внук не станет шутить подобными вещами, смолчал. Вместо этого он пригласил семейство Чэн в VIP-комнату, чтобы обсудить все с глазу на глаз.

В его глазах брак Чунъяня с Чэн Фанем не был чем-то невозможным, однако подробности их знакомства следовало прояснить.

В комнате отдыха воцарилась тяжелая тишина. Чэн Ань сидел с помертвевшим лицом, едва сдерживая kloчущую внутри обиду и зависть. Глава семейства Чэн привычно отмалчивался, полностью переложив ведение переговоров на супругу.

Чэн Фань опустился на диван подле Се Чунъяня. Случайно встретившись взглядом с мачехой, он внутренне содрогнулся: на мгновение на ее лице проступила такая дикая, первобытная ненависть, что у него мороз пробежал по коже.

Старейшина Се перевел взгляд с Чэн Фаня на внука и спросил:

— И давно вы знаете друг друга?

Чэн Фань замялся и невольно покосился на Се Чунъяня. Тот ответил ровным голосом:

— Довольно давно.

Чэн Ань тут же вскинулся:

— Быть того не может! Чэн Фань безвылазно сидел дома из-за болезни...

— Замолчи! — госпожа Чэн больно дернула сына за рукав и прикрикнула сквозь зубы: — Как ты себя ведешь перед старшими?!

Чэн Ань осекся. Его грудь тяжело вздымалась от гнева, а взгляд упрямо уставился в пол.

Се Чунъянь сохранял абсолютное спокойствие.

— Мы впервые встретились на одном приеме много месяцев назад, — невозмутимо пояснил он.
— Пообщались и поняли, что прекрасно подходим друг другу.

Старик Се на секунду задумался, а затем кивнул:

— Что ж, раз тебе по душе этот юноша, я возражать не стану. — Он повернулся к госпоже Чэн:
— Если вы тоже не против, давайте зафиксируем наше соглашение.

Одобрение патриарха повергло Чэн Аня в панику. Он судорожно вцепился в плечо матери, умоляюще глядя на нее.

Госпожа Чэн мягко улыбнулась, хотя ее пальцы мелко дрожали:

— Старейшина Се, породниться с вашей великой семьей — огромная честь для нас. Однако боюсь, вам известны далеко не все обстоятельства.

— Какие еще обстоятельства? — прищурился старик.

— Наш Сяо Фань последние два года почти не вставал с постели, его здоровье крайне слабое, — сокрушенно вздохнула она. — К тому же я, каюсь, слишком его избаловала — характер у мальчика тяжелый, капризный. Нам невыносимо думать о том, что в столь юном возрасте ему придется покинуть родной дом. Да и справится ли кто-то с заботой о нем так, как материнское сердце? Боюсь, директор Се просто измучается с ним. Нашему Ань-Аню уже двадцать один, он рассудителен и здоров. Если вы действительно желаете скрепить наши союзы, возможно, стоит обратить внимание на него?

Эта речь, на первый взгляд исполненная материнской заботы и такта, на деле так и сквозила ядом. Каждое слово было тонко завуалированным оскорблением, выставляющим Чэн Фаня никчемным инвалидом со скверным нравом.

Разве станет такой великий клан, как Се, связывать свою судьбу с капризным, вечно больным недоразумением?

Чэн Фань смерил мачеху ледяным взглядом. Вскинув голову, он натолкнулся на пристальный взор Се Чунъяня, словно тот заново взвешивал все за и против. В груди юноши шевельнулось глухое разочарование. Потупившись, он опустил руки на колени и демонстративно отодвинулся от мужчины подальше.

— Я не болен, — тихо, но твердо буркнул он под нос.

Се Чунъянь скользнул по нему мимолетным взглядом, после чего перевел изучающий взор на госпожу Чэн.

Старейшина Се действительно выказал тень сомнения.

— И чем же болен Сяо Фань? — поинтересовался он.

Лицо госпожи Чэн омрачилось притворной печалью:

— Врачи разводят руками — какой-то редкий, трудноизлечимый недуг. Нам намекнули, что о полном выздоровлении говорить не приходится.

Заметив колебания старика, Чэн Ань облегченно выдохнул. Напряжение покинуло его тело, и он бросил на Чэн Фаня победный, вызывающий взгляд.

К несчастью для него, Се Чунъянь уловил эту мимику. На его губах появилась едва заметная холодная усмешка. Семейка Чэн действительно стояла друг друга — каждый вел свою грязную игру.

— О состоянии здоровья Сяо Фаня мне прекрасно известно, — спокойно заговорил Се Чунъянь. — В распоряжении семьи Се лучшие медицинские светила как в стране, так и за рубежом. О его лечении я позабочусь сам.

— Но... — госпожа Чэн окончательно растеряла самообладание.

Она попыталась было возразить, но ленивый, тягучий голос Се Чунъяня пресек ее на полуслове:

— Если моим избранником будет не Чэн Фань, никакого союза между нашими семьями не состоится вовсе. Надеюсь, это ясно? Наши отношения — это наше личное дело, и я бы попросил уважаемых родителей не вмешиваться.

С этими словами он изящным движением поправил дужку очков и добавил с тонким намеком:

— Кстати, проект «Urban» в той части, что касается вашей компании, пока еще не утвержден советом директоров. Вам стоит приложить больше усердия.

Услышав столь откровенную угрозу, отец Чэн мгновенно побледнел. На кон в проекте «Urban» было поставлено абсолютно все. Если совет директоров корпорации «Сеши» отклонит их заявку, бизнес Чэнов понесет колоссальные убытки, а в худшем случае — их ждет неминуемое банкротство.

— Ну что вы, если вы с Сяо Фанем так преданы друг другу, мы можем только благословить этот союз, — заискивающе затараторил он, не в силах скрыть панику в голосе.

Се Чунъянь слегка приподнял ладонь:

— В таком случае — взаимовыгодного сотрудничества.

Как только вопрос был улажен, госпожа Чэн, чье лицо исказилось от сдерживаемой ярости, наспех нашла предлог увести сына подышать свежим воздухом. Оставшись в неловком одиночестве, глава семьи Чэн поспешно забормотал что-то про уборную и тоже ретировался.

В комнате отдыха воцарилась тишина. Старик Се укоризненно взглянул на внука:

— Надо же, принуждение к браку? Не думал, что ты опустишься до угроз.

Се Чунъянь понимал, что дед прекрасно видит насквозь фальшь четы Чэн. Не утруждая себя оправданиями, он неторопливо очистил спелый мандарин и отправил дольку в рот.

Дедушка лишь недовольно хмыкнул и замолчал.

Решив, что старейшина Се действительно рассержен, Чэн Фань тихо произнес:

— Дедушка, у меня нет ничего серьезного. Просто обычная слабость.

Старик с теплотой оглядел его хрупкую фигуру и мягко спросил:

— Так что же это за недуг, дитя?

Чэн Фань поджал губы:

— Ничего страшного. Из-за слабого иммунитета часто утомляюсь, только и всего.

Пожилой мужчина понимающе кивнул:

— Вот и славно.

Вскоре в комнату заглянул старейшина Сян и позвал друга продолжить осмотр выставки. Чэн Фань и Се Чунъянь остались наедине.

Юноша по-прежнему демонстративно держался поодаль, лелея свою маленькую обиду. Се Чунъянь же, расправившись с фруктом, вытер пальцы салфеткой и погрузился в рабочий чат на телефоне, совершенно не обращая внимания на его капризы.

Чэн Фань заворуженно уставился на тонкую серебряную оправу очков на его переносице. Он впервые поймал себя на мысли, что очки могут выглядеть так чертовски притягательно. В голове всплыло меткое выражение: «утонченный негодяй».

— Значит, ты согласен на мое предложение? — все-таки не удержался от вопроса Чэн Фань.

— Да, — лаконично бросил Се Чунъянь.

Перед глазами Чэн Фаня вновь возникло искаженное злобой лицо мачехи. Он отчетливо понимал, что возвращаться в родные стены теперь смертельно опасно. Украдкой поглядывая на мужчину, юноша лихорадочно соображал, как бы napроситься уехать в особняк Се прямо сегодня.

Однако уезжать с едва обретенным женихом в первый же день казалось верхом неприличия. Подумают еще, что он вешается на шею или влюблен в Се Чунъяня до беспамятства.

К тому же оставался немалый риск получить холодный отказ. Терзаясь сомнениями, Чэн Фань нервно теребил подол рубашки.

— Се Чунъянь, можно мне сегодня поехать к тебе?

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел испугаться. Чтобы не видеть возможного презрения на лице собеседника, Чэн Фань поспешно отвернулся к окну.

— Я просто подумал... это даст нам обоим шанс получше узнать друг друга. Иначе окружающие быстро догадаются, что наш союз чисто фиктивный.

Се Чунъянь ответил, даже не поднимая глаз от экрана:

— Обсудим это после свадьбы.

Чэн Фань резко развернулся к нему, в его голосе прозвучали нотки неподдельной тревоги:

— Если ты оставишь меня здесь, мне не поздоровится.

Мужчина негромко усмехнулся и наконец перевел на него взгляд:

— И какая же опасность тебе грозит?

— Они запрут меня. И будут издеваться.

Се Чунъянь окинул его оценивающим взглядом с ног до головы:

— Не похоже, чтобы с тобой обращались жестоко. Выглядишь вполне благополучно.

— Не веришь — не надо, — обиженно буркнул юноша и понурил голову.

К концу выставки чета Чэн наконец соизволила вернуться. Напряжение между супругами и Чэн Анем буквально вибрировало в воздухе, они едва сдерживали взаимное раздражение.

Тем не менее, они благонаравно уложили приготовленные заранее подношения в багажник автомобиля старейшины Се и рассыпались в любезных прощаниях.

Старик Се вежливо улыбнулся:

— Ну зачем же такие траты. В следующий раз мы непременно нанесем вам визит.

Стоя рядом с дедом, Се Чунъянь внимательно наблюдал за семейством Чэн. Чэн Фань среди этих людей казался абсолютно чужим, словно по ошибке затесавшимся в их круг. Он напоминал гордого, изящного лебедя, волею судеб заброшенного в зловонное болото, но так и не растерявшего своей природной стати.

Се Чунъянь ответил коротким кивком и направился к распахнутой дверце лимузина.

В этот момент госпожа Чэн выразительно зыркнула на мужа. Тот послушно шагнул вперед и попытался перехватить руку юноши:

— Сяо Фань, нам пора ехать.

Чэн Фань мгновенно почувствовал неладное. Словно дикий зверек, почуявший капкан, он резко отшатнулся назад.

Натянув фальшивую улыбку, отец сделал еще один шаг к нему:

— Что случилось, сынок?

Не удостоив его ответом, Чэн Фань бросился к машине Се и в самый последний момент, когда Се Чунъянь уже заносил ногу над подножкой, отчаянно вцепился в полу его дорогого пиджака.

Се Чунъянь обернулся. Его мгновенно окутал тонкий, едва уловимый аромат сандала и чистой хвои, исходивший от юноши.

Чэн Фань стоял почти вплотную. Его пальцы судорожно сжимали дорогую ткань, а в затуманенных тревогой глазах читалась мольба.

— Пожалуйста... умоляю тебя, брат.

<http://bllate.org/book/19809/1986488>